

Документы архивов органов безопасности об Исааке Бабеле

Василий Христофоров

В 1990-х гг. отечественные архивы переживали настоящую революцию. Открывались огромные пласты ранее неизвестных или недоступных архивных материалов. В это же время исследователи получили возможность работать с фондами Центрального архива Федеральной службы контрразведки – Федеральной службы безопасности РФ. Благодаря сотрудничеству архивистов и историков вышло в свет большое количество монографий, сборников документов и статей, всесторонне освещавших события советского периода истории нашей страны. Особое место в изучении и публикации документов Центрального архива ФСБ (далее – ЦА ФСБ) России занимает работа с архивными уголовными делами на репрессированных литераторов. Помимо протоколов допросов, постановлений на арест и обыск, приговоров и других следственных документов в некоторых делах были приобщены изъятые при аресте рукописи и написанные в заключении дневники. Эти материалы представляют собой уникальный исторический источник и важную составляющую отечественного литературного наследия.

Судьба рукописей, изъятых у писателей, учёных, исследователей и журналистов, различна. Решение об уничтожении материалов либо приобщении их к делу принималось сотрудниками органов госбезопасности. Если в тексте содержались «антисоветские высказывания», «призывы к борьбе с существующим строем», рукописи приобщались к материалам уголовных дел. Так произошло, например, с делом учёного А.Л. Чижевского, в основу обвинения которого легли его записи, дневники, книги, названные следствием антинаучными и антисоветскими; с делом прозаика и литературоведа А.В. Белинкова, обвинённого в «изготовлении и хранении рукописей антисоветско-террористического содержания». В ряде случаев рукописи арестованных направлялись в архив органов безопасности, где они хранились до того момента, когда стало возможным вернуть изъятые авторам, их родным, музеям или госархивам. Так, 21 января 1965 г. в Институт мировой литературы были переданы личные документы и переписка М.Е. Кольцова¹. Хуже было если, по мнению сотрудников госбезопасности, рукописи не представляли «оперативной и исторической ценности»: их просто уничтожали, составляя при этом соответствующий акт.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. документы репрессированных писателей и поэтов активно передавались в Государственный архив литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства, РГАЛИ). Это рукописи стихотворений Ю.О. Домбровского, О.Э. Мандельштама, Н.И. Кочкурова (Артёма Весёлого), Е.Н. Забелина; машинописный экземпляр

© 2015 г. В.С. Христофоров

¹ ЦА ФСБ России, д. Р-1269, приложение, л. 26.

одной из глав романа А.П. Платонова «Чевенгур» с авторскими пометками; поэмы «Погорельщина», «Песнь о Великой матери» и другие Н.А. Клюева; повесть «Невольный переулочек» прозаика С.Д. Кржижановского; личная переписка и черновые записи поэта Н.С. Гумилёва; поэма-памфлет «Путешествие К. Маркса в Россию» литературоведа И.В. Ильинского; тетради со стихами, дневниковыми записями и литературоведческими работами поэтессы Н.Д. Ануфриевой и др.

Возвращались рукописи и родственникам репрессированных. Например, внучке профессора-искусствоведа А.И. Некрасова были переданы его неопубликованные труды по истории древнерусской литературы и о русском искусстве; сыну известного экономиста А.В. Чаянова – рукопись «Парки и аграрная реформа»; вдове философа А.Ф. Лосева – его неопубликованные труды (перевод книги Дионисия Ареопагита «О церковной иерархии», работу «Вагнер, Скрябин и гибель европейской культуры», дневники 1914–1919 гг.); дочери биофизика А.Л. Чижевского – пять дневников, рукописи «Россия и просвещение» и «Критические этюды», книгу «Физические факторы исторического процесса», листы из книги «Борьба за науку»; вдовам поэтов С.Н. Маркова и Л.Н. Мартынова – их автографы и неопубликованные произведения. В 2002 г. музею в станице Вешенская Ростовской обл., чьим директором в 2001 г. стал внук М.А. Шолохова, были переданы неизвестные автографы писателя. В 2013 г. широкий резонанс получила передача ЦА ФСБ России в РГАЛИ рукописи романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Однако судьба некоторых рукописей и личных бумаг репрессированных литераторов до настоящего времени остается неизвестной. Так произошло с рукописями Исаака Эммануиловича Бабеля (1894–1940), изъятыми у него при аресте. Казалось бы, о жизни и творчестве писателя известно практически всё. Благодаря кропотливой работе исследователей его биографии и произведений в настоящее время можно назвать ряд публикаций, в которых наиболее точно и полно отражены события жизни писателя и проанализировано его творчество². Тем не менее вопрос о судьбе изъятых рукописей до сих пор волнует исследователей и почитателей таланта писателя.

Будучи одной из ярких фигур в советской литературе, И.Э. Бабель представлял интерес для органов госбезопасности. Его взгляды на развитие отечественной литературы, международную обстановку, собственную деятельность и критические замечания в адрес коллег-писателей попадали в донесения подразделений советских спецслужб. В ЦА ФСБ России сохранился ряд документов, в которых содержится информация о Бабеле. Во-первых, это делопроизводственные материалы Секретно-политического отдела ОГПУ–ГУГБ НКВД СССР/4-го отдела ГУГБ НКВД СССР–1-го управления НКВД СССР³ за

² Левин Ф.М. И. Бабель: очерк творчества. М., 1972; *Лившиц Л.Я.* Ви, по суті, романтик... [А.М. Горький и И.Э. Бабель] // Прапор. 1964. № 8. С. 96–99; *он же.* К творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4; *он же.* От «Одесских рассказов» к «закату» // Памир. 1974. № 6; Воспоминания о Бабеле / Сост. А.Н. Пирожкова, Н.Н. Юргенева. М., 1989; *Спектор У.М.* Краткая летопись жизни и творчества Исаака Эммануиловича Бабеля // Бабель И. Пробуждение. Тбилиси, 1989; *Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А.* «Конармия» Исаака Бабеля. М., 1993; *Жолковский А.К., Ямпольский М.Б.* Бабель/Babel. М., 1994; *Шенталинский В.А.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995; *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996; *Поварцов С.Н.* Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М., 1996; *Есаулов И.А.* Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля. София, 2011; *Сарнов Б.М.* Сталин и писатели. М., 2008–2011; *Быков Д.* Советская литература. Краткий курс. М., 2012; и др.

³ Приказом ОГПУ № 95/54 от 5 марта 1931 г. был образован Секретно-политический отдел

1930-е гг. о ситуации в кругах советской интеллигенции: сообщения, сводки, докладные записки, направленные как руководству ведомства, так и в высшие органы государственной власти, где приводятся высказывания Бабеля по разным вопросам жизни страны. Во-вторых, это документы из архивного следственного дела в отношении Бабеля: постановления о предъявлении обвинения, избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, протоколы допросов Бабеля и других лиц, дававших на него показания, обвинительное заключение, протокол судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу, приговор, справка о приведении приговора в исполнение. В отдельный том собраны показания писателя. В них он описывает своё творчество, политические взгляды, которые, как ему представлялось, не могли противоречить общепринятым политическим убеждениям советского гражданина. В отдельном томе за 1954 г. находятся материалы по реабилитации Бабеля: обзорные справки, составленные сотрудниками Главной военной прокуратуры по делам в отношении лиц, которые имели связи с Бабелем, протоколы допросов свидетелей, определение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Для исследователей жизни и творчества Исаака Эммануиловича безусловный интерес представляют делопроизводственные документы органов госбезопасности, которые свидетельствуют, что наблюдение за ним с целью выявления в его взглядах «троцкистской направленности» велось с середины 1930-х гг. Информация собиралась в среде писателей и других лиц, близких к Бабелю. Некоторые из этих документов опубликованы⁴, однако многие ещё хранятся в фондах ЦА ФСБ России.

В начале 1932 г. Секретно-политический отдел ОГПУ поставил подчинённым органам на местах задачу внимательно следить за политическими настроениями в литературных кругах, обращая особое внимание на отношение писателей «к основным вопросам международной и внутренней политики СССР», «соцстроительству», «осуществляемым задачам культурной революции», а также их оценке «линии партии в области художественной литературы», «практики марксистской критики и цензуры»⁵. Согласно этому документу сотрудники органов госбезопасности готовили сводки и отчёты о взглядах и настроениях в писательской среде. Информацию на Бабеля в органах госбезопасности начали собирать в 1934 г. Однако согласно документам ЦА ФСБ России с 1934 по 1937 г. какого-либо особого наблюдения за писателем не велось. В фондах архива материалов за период с 1935 по 1937 г. не выявлено.

В августе 1934 г. проходил I съезд советских писателей, в связи с чем настроения в литературной среде представляли для сотрудников Секретно-политического отдела ОГПУ особый интерес. Съезд открылся 17 августа 1934 г.

(СПО) ОГПУ. Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 г. на базе ОГПУ СССР был образован НКВД СССР, СПО ОГПУ стало СПО Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. 25 декабря 1936 г. согласно приказу № 00411 отделам ГУГБ НКВД СССР в целях конспирации были присвоены номера, в результате чего СПО ГУГБ НКВД СССР стал 4-м отделом ГУГБ НКВД СССР. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) о новом организационном устройстве НКВД и ликвидации ГУГБ от 28 марта 1938 г. 4-й отдел ГУГБ НКВД СССР стал 4-м отделом 1-го управления НКВД СССР. 29 сентября 1938 г. приказом НКВД № 00641 была объявлена новая структура НКВД СССР, и 4-й отдел 1-го управления НКВД СССР стал 2-м отделом ГУГБ НКВД СССР.

⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 1999. С. 232, 290, 316.

⁵ ЦА ФСБ России, ф. 66, оп. 1, д. 259, л. 34–35.

и закончил свою работу через две недели. И хотя удалось обсудить большинство вопросов, связанных с развитием отечественной литературы, многие присутствовавшие отнеслись к итогам съезда с недовольством и даже враждебно, отмечая невозможность обсуждения истинных проблем литературы при явной идеологической направленности мероприятия. В кулуарах звучали разные оценки, и наиболее смелые высказывания представителей писательских кругов попадали в сводки органов безопасности. В частности, в беседах украинских и московских литераторов наиболее резкую позицию занимали Бабель и М.В. Семенко⁶. Исаак Эммануилович говорил коллегам: «Мы должны демонстрировать миру единодушие литературных сил Союза, а так как это всё делается искусственно, из-под палки, то съезд проходит мёртво, как царский парад, и этому параду, конечно, никто за границей не верит. Пусть раздувает наша пресса глупые вымыслы о колоссальном воодушевлении делегатов. Ведь имеются ещё и корреспонденты иностранных газет, которые по-настоящему осветят эту литературную панихиду. Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом, как голубки. Я воображаю, с каким наслаждением они повели бы в бой на этом съезде каждый свою группу»⁷. И ещё одной краткой фразой Бабель дал характеристику всему мероприятию: «Если бы я знал, что для того чтобы быть писателем, надо быть здесь и участвовать в этой попойке, я бы лучше стал полотёр»⁸.

В марте 1936 г. московские писатели обсуждали статьи газеты «Правда» о борьбе с формализмом и натурализмом в литературе. Бабель посетил одно из собраний писателей, куда его побудило прийти, как он сам заявил, выступление драматурга и публициста А.Н. Афиногенова⁹, которого Исаак Эммануилович считал одарённым человеком. Но в этот день речь Афиногенова вызвала всеобщее возмущение. Он позволил себе с особым упоением рассказывать коллегам о том, как его поставленную на сцене МХАТа пьесу «Чудак» неоднократно посещал Сталин, который обменялся с ним дружеским рукопожатием за «хорошую пьесу, хороший спектакль». Бабель был разочарован Афиногеновым: «Нищенством мысли, низким теоретическим уровнем его речи и совершенно уже возмущён его ссылкой на это рукопожатие. Это беспрецедентная политическая бестактность»¹⁰.

⁶ Семенко Михайль (Михаил Васильевич) (1892–1937), советский поэт, основоположник и теоретик украинского футуризма. В 1913 г. вышел в свет первый сборник его стихов. После Октябрьской революции издал в Киеве сборники стихов «Пьеро задаётся», «Пьеро любит» и др., был редактором журнала «Искусство». В начале 1920-х гг. организовал «Ударную группу поэтов-футуристов», переименованную затем в ассоциацию панфутуристов – «Аспанфут». До 1927 г. работал главным редактором Одесской кинофабрики Всеукраинского фотокиноуправления. В 1929–1931 гг. в Харькове вышло в свет полное собрание его сочинений в трёх томах. В апреле 1937 г. арестован по обвинению в «активной контрреволюционной деятельности» и приговорён к расстрелу. Реабилитирован.

⁷ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 1, д. 56, л. 187. Опубликовано: Власть и художественная интеллигенция... С. 232–234.

⁸ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 1, д. 56, л. 292.

⁹ Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941), советский драматург. В 1927–1929 гг. заведующий 1-го Московского театра Пролеткульта. В начале 1930-х гг. один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей. В 1934 г. избран в президиум правления Союза писателей СССР и назначен редактором журнала «Театр и драматургия». В 1937 г. исключён из партии (позднее восстановлен) и Союза писателей. В начале Великой Отечественной войны возглавил литературный отдел Совинформбюро. Погиб во время бомбёжки.

¹⁰ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 3, д. 65, л. 93.

На другом собрании писателей по вопросу формализма в искусстве выступал сам Бабель. Встречали его тепло, но слушали не с обычным вниманием и уважением, а провожали даже с нескрываемым холодом. Выступление это было связано с ним самим – возникшим творческим кризисом и поиском роли и места писателя в мире: «Вот я возьму случай с тов. Бабелем – случай, который я знаю лучше всего, случай тем более интересный, что он довольно специфический. Кроме того, мне тоже приятно хоть раз присоединиться к хору жалующихся на меня. Уверяю вас, товарищи, что со мною тоже нелегко жить так долго, как я это делаю. Человек я очень плохого характера... Меня упрекают в молчании. Нужно сказать, что я в этом деле рецидивист, так что если меня судить, то нужно строго. Ещё в ранней юности мною было напечатано несколько рассказов, которые были встречены с интересом, после чего я замолчал на семь лет. Потом я снова начал печататься, и то, что я напечатал, тоже было встречено с интересом, который у некоторых продолжается и до сих пор. Напечатал я – и после этого – мне не понравилось, мне показалось, что я начинаю повторяться. Мне перестало нравиться то, что я делал, и у меня возникло законное желание делать что-нибудь другое. Я не считаю ошибкой то, что в вопросе о так называемой литературной ошибке напущено много туману, и что дело гораздо серьезнее, чем мы думаем. Я понимаю ошибку в арифметике – ну что ж, у человека не вышла задача. Я понимаю ошибку в политике. Ленин и Сталин нам объяснили, что эти ошибки исправляются... Ошибка в литературе – я не очень хорошо понимаю, что это такое, потому что ошибка это же и есть литератор... Тут надо принять далеко идущие меры по отношению к себе... У меня было стремление в начале моей работы писать коротко и таким способом выражать мои чувства, мне это разонравилось. Очевидно, я сам себе как-то разонравился. Мне понравилось писать плавно, длинно, спокойно и я это сделал. Я уединился, у меня был кабинет, и я исписал столько, сколько полагается настоящему графоману. Но в числе множества пороков, какие у меня есть, у меня есть одно тяжёлое свойство, но я считаю, что это свойство я, пожалуй, должен сохранить. Какое же это свойство? Я всё-таки стараюсь быть себе предварительной цензурой, а не последующей. Поэтому я написал, дал немного отлежаться и прочитал. По-советски говорю – не узнал себя: вяло, скучно, длинно, нет удара, неинтересно. Подумал, что, значит, это не то. Не тот образ жизни, оторвался от жизни... Надо было второй раз, как сказано у Горького, идти в люди, что я и сделал. Я объехал много десятков тысяч километров, видел множество людей. Мысль была такая, что вот совершаются мировой важности события, рождаются люди, ещё невиданные, совершаются интереснейшие вещи, и, пожалуй, просто фактический материал будет потрясать. И вот я постарался изложить этот фактический материал. Прочитал его потом и смотрю – неинтересно. Это начало становиться серьёзным. Описываешь потрясающие факты, описываешь в огне рождения шестую часть света... и получается всё же неинтересно. Тогда я сел и серьёзно подумал, что вот от кого я ушёл, мне перестал нравиться, и я ушёл от самого себя. В первой части своей я пытался какой-то техникой, формой подменить то, чем был я. Во второй части я думал, что за меня будет говорить Советская страна, что вещи, которые происходят, так удивительны, что мне и делать особенно нечего. Нужно только более или менее точно и правильно изложить, и это будет потрясающе интересно для всего мира. И вот это не вышло. Получилось неинтересно.

Тогда я понял окончательно, что книга – это есть мир, видимый через человека. А человека-то и не было – я от него сбежал, сбежал от самого себя. И вот я подумал, что надо мне к этому человеку вернуться. Я понял, что у меня как у литератора, кроме того – человека, человека с тяжёлым характером, в профессиональном отношении ничего в мире нет. Я... попытался подумать, что нужно делать этому человеку с таким неудобным характером, и пришёл к убеждению, что для того чтобы хорошо писать, ему нужно все его плохие черты или хорошие, все те черты, которые у него есть, довести до максимума, довести до полного голоса, сказать себе, что я есть, очистить себя, пойти полным ходом к самому себе, а там – видно будет, дело это или не дело, товар это или не товар. По этому пути я пошёл и тут впервые за несколько лет (нечего скрывать, писать – это трудная штука) я почувствовал лёгкость и прелесть профессиональной жизни. Вернуться к себе, усилив те способности и чувства, которые у меня есть, решив говорить со страстью о том, что я люблю, и о том, что я не люблю, я подумал, что я не должен забывать о том, что я – гражданин Советского Союза. Тут мне помогло отсутствие графомании в моем характере»¹¹.

Настоящая исповедь, прозвучавшая из уст Бабеля, не была понята большинством присутствовавших. В.М. Инбер, М.Ю. Левилов и В.С. Гроссман резко осудили выступление Бабеля за «низкий политический уровень» и его не совсем понятную идею «возврата к себе». Почувствовав разочарование аудитории, в кругу друзей Бабель с горечью заметил: «Они – т.е. руководство – сами этого хотели, но теперь, конечно, сами не рады»¹².

Постепенно объём собираемой о писателе информации возрастал. Наибольшее количество документов, в которых сохранились высказывания Исаака Эммануиловича, приобщены к делам 1938 г. Так, в сводке сообщений о писателях, подготовленной Ежовым и направленной Сталину и Молотову в апреле 1938 г., собран ряд высказываний Бабеля о положении в советском кино. Непростая ситуация в кинематографе 1930-х гг. не могла не вызывать у Бабеля особую обеспокоенность. Он начал работать для кино ещё в 1926 г., когда подготовил титры для фильма «Еврейское счастье», написал сценарий к картине «Блуждающие звёзды». С ноября 1930 г. отечественную кинопромышленность в качестве председателя «Союзкино» возглавил Б.З. Шумяцкий, позднее возглавивший Комитет по делам искусств при СНК СССР. И хотя именно при нём, как считают, советский кинематограф добился успехов на международных фестивалях, в кинематографической среде начальника не любили. О нём злословили, его большевистская прямота и снятые при нём картины, скорее агитационные, чем игровые, раздражали творческих людей, в числе которых был и Бабель. Исаак Эммануилович неоднократно пытался обсудить с Шумяцким волновавшие его вопросы, но результата не добился: «В комитет нельзя входить. Ты идёшь туда поговорить о деле, а тебя там все норовят допросить»¹³.

В январе 1938 г. Шумяцкого арестовали, в среде его бывших коллег торжествовали, все с надеждой ждали положительных изменений в отрасли. Но место нового председателя Комитета по делам кинематографии занял сотрудник для особых поручений при Народном комиссаре внутренних дел СССР кадровый чекист С.С. Дукельский – человек тяжёлый по характеру и невежественный. В кругу коллег Бабель возмущался: «В кино делаются страшные вещи. Все

¹¹ Там же, д. 1215, л. 44–46.

¹² Там же, л. 43.

¹³ Там же, оп. 5, д. 258, л. 12.

в ужасе. Шумяцкий по сравнению с Дукельским – всё равно, что Спиноза по сравнению с Демьяном Бедным. Дукельский в точном смысле слова фельдфебель. Получается буквально: “Фельдфебеля в Вольтеры дам”. В каком бы положении оказался простодушный человек, который верил бы газетам и их уверениям, что прежнее киноруководство снято за невыполнение плана. По новому тематическому плану 28 фильмов, находящихся в той или иной стадии работы, сняты Дукельским с плана; это значит, что миллионов 20 выброшено на ветер... А из 51 фильма, стоящего в плане, по крайней мере 8 фильмов ни в каком случае не выйдут в 1938 г., например, “Щорс”»¹⁴. Бабель не случайно переживал за судьбу фильма «Щорс» и с нетерпением ждал его выхода на экран: он очень уважал и ценил А.П. Довженко. «А вот кто большой писатель – это Довженко, – говорил он коллегам, – как писатель он гораздо выше, чем кинематографист. Как он пишет сценарии! Это писатель украинской деревни, писатель, идущий за Гоголем. “Щорс” снимается со скрипом. Когда Довженко изучал материалы о Щорсе, он увидел, что внешне героического там нет, а Довженко может изображать только внешне героическое»¹⁵.

При этом, будучи очень тонко чувствующим человеком, Бабель с трудом понимал, почему руководство страны с симпатией относится к работам Г.В. Александрова. Самыми тревожными новостями для писателя становились не известия о военных действиях на территории Европы, а сообщения о награвждении советских киноактёров. Фильм «Волга-Волга» вызвал у него резкое неприятие, о чём Бабель говорил в кругу знакомых: «Я смотрел “Волгу-Волгу”. Это страшно, просто страшно. Вот за что надо сажать. А у нас смотрели “наверху” и, кажется, понравилось. Иначе бы не дали орден Любви Орловой за “Цирк”. А я смотрел и думал, если бы я был англичанином, французом или немцем, то я после “Волги-Волги” пришёл бы к выводу: да, с этим народом, с этими русскими надо драться. Да-с, действительно, народец у нас. Франция ужасается, глядя на нас»¹⁶.

Бравурные сообщения о наградах актёров в понимании Бабеля никак не стыковались с тем, что происходило в стране: «А делается у нас нечто непостижимое, страшное, непонятное. Смотришь и думаешь, что делается! Ведь вот сущность положения: врагами оказались не отдельные люди, не армия даже, это бы ничего особенного, а партия, коммунистическая партия, в лице громадного большинства её руководящих работников. Вся партия, в этом суть. Ведь вот уже назван изменником Крыленко¹⁷. А Крыленко – это история, это первый главковерх. Значит, уже об Октябрьской революции нельзя писать книгу. Крыленко пользовался мировой известностью, это один из лучших ораторов... А я переживаю сейчас один из важнейших и труднейших периодов моей жизни. Есть 60 страниц, которые написать могу только я. Это лучшее, что у меня есть в душе. Я знаю, я никого не поведу за собою. Но вы знаете мою трезвость, я не обольщаю себя: эти 60 страниц исторгнут вздох у людей, заставят их задуматься. Я уже начал писать, ещё 2–3 месяца – и я закончу... Я чувствую, что должен

¹⁴ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 181. Предыстория фильма «Щорс» была известна в литературных и кинематографических кругах: картина создавалась по заказу Сталина. О завершении работы над ней режиссер А.П. Довженко писал Сталину в 1939 г. Картина вышла на экраны 1 мая 1939 г. (Кремлёвский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 533).

¹⁵ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 182.

¹⁶ Там же, л. 184.

¹⁷ Имеется в виду Николай Васильевич Крыленко (1885–1938).

написать это. Я поэтому эгоистически не хочу войны. Я хочу написать до войны и до всего прочего. Когда я напишу, тогда легче будет и жить, и помирать. Пусть уж потом будет война. Да, страшное делается у нас, если, конечно, судить о жизни не по газетам и по сообщениям о награждениях киноактёров»¹⁸. Задуманная Бабелем книга так и не увидела свет. Возможно, процитированные слова писателя стали первым упоминанием той рукописи, которая была изъята при его аресте.

В последующих сводках и спецсообщениях, которые сохранились в делах ЦА ФСБ России, приводятся высказывания Бабеля на самые разные темы: от планов в работе до международного положения. О своих творческих замыслах и набросках Исаак Эммануилович вёл беседы в кругу близких ему по духу писателей: «Работа моя распадается на две части. Во-первых, маленькие рассказы. Их написано довольно много. Сначала я их пишу чужими, хорошими, сладенькими словами. Потом я их обрабатываю, переписываю. Постепенно я из этих чужих слов старательно вытаскиваю свой собственный голос. Да, но голос этот звучит в окружающей нас обстановке странно, басовито, но что же делать – говорить я могу только этим, своим голосом. Потом я пишу большую вещь, пьесу. Мне удалось найти и изобрести такой сюжет, подобный сюжету “Ревизора”. На него всё остальное наворачивается. Но так как действие происходит в эпоху революции, то всё это очень сложно, и в процессе работы роли целого ряда персонажей меняются. Вообще я дошёл до такого периода моей жизни, что, когда я не работаю, то не знаю, что мне делать. Кроме работы в жизни нет ничего. По вечерам только слушаю детские рассказы Антонины Николаевны¹⁹ из жизни советского учреждения... Меня тянет теперь уже не к наблюдениям, а к размышлениям. Очевидно, скопился достаточный жизненный опыт, и на этой почве хочется сделать какие-то заключения и обобщения»²⁰.

Отношение Бабеля к проблемам советской литературы ни для кого не было секретом, он не скрывал своих симпатий и разочарований. С особой тревогой Исаак Эммануилович относился к творчеству начинающих: «О молодых талантливых писателях ничего не слышно. Я убеждён, что сейчас талантливая молодёжь может быть только оппозиционной, у неё два пути – или комсомольская оппозиционность, как у Смелякова²¹, или писание в стиле Достоевского»²². Одним из лучших поэтов Советского Союза Бабель считал М.Ф. Рильского²³, он казался ему автором «пушкинского склада, ясным, чистым лириком» и по стилю написания напоминал французских поэтов.

После речи, произнесённой Сталиным 17 мая 1938 г. в Кремле на приёме участников первого Всесоюзного совещания работников высшей школы, в кругу знакомых Исаак Эммануилович не удержался от смелого высказывания в адрес вождя: «В этой речи, как во всём, что он говорит и делает, чувствуется плохое знание русского языка. Нельзя по-русски сказать, что земля отдаётся “навечно”, как это сказано в колхозном уставе. Что за выражение такое “наши люди”? Нельзя пить “за здоровье” Ленина. В его русском языке чувствуется

¹⁸ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 278, л. 184–185.

¹⁹ Речь идёт о жене Бабеля А.Н. Пирожковой.

²⁰ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 328, л. 106.

²¹ Имеется в виду поэт Я.В. Смеляков (1913–1972), который в своём первом сборнике стихов «Работа и любовь» (1932) воспевал новый быт и ударный труд.

²² ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 326, л. 49.

²³ Украинский поэт М.Ф. Рильский (1895–1964) в 1931 г. был арестован, через год освобождён, после чего стал демонстрировать полное принятие советской действительности.

напряжение. И нет ничего удивительного — он вырос в грузинской деревне; для него русский язык — то же самое, что немецкий или французский. Да, этому человеку не хватает литературы, чувства стиля. Ну а по сути, из речи ничего нельзя вынести»²⁴. В июле 1938 г. НКВД СССР сообщил Сталину, что «среди писательской интеллигенции Москвы оживлённо обсуждается вопрос о положении советской литературы. Некоторыми писателями высказывается неудовлетворённость тем, что в результате проведённых совещаний в ЦК ВКП(б) по вопросам литературы не было опубликовано руководящего документа, который лёг бы в основу выправления существующих недостатков в работе Союза советских писателей, литературных издательств и цензурной практики Главлита. Смена руководства в Гослитиздате и временное назначение нового секретаря ССП также вызывают оживлённые толки»²⁵. Разумеется, помимо творчества коллег и их профессионального уровня Бабель обсуждал и кадровые изменения в писательских организациях. В ЦА ФСБ России сохранился документ, в котором приведены слова Исаака Эммануиловича о назначении руководителем Государственного литературного издательства С.А. Лозовского. Писатель считал, что именно такой «либеральный сановитый барин» будет стремиться к изданию Гослитиздатом книг и заботиться о хорошей жизни писателей. Однажды Лозовский пригласил Бабеля в Гослитиздат. Исаак Эммануилович так вспоминал эту встречу: «Лозовский вызвал меня, для того чтобы поговорить о методах художественной агитации, и я произнёс ему целую речь о положении в литературе. Эта речь у меня накопилась давно, я хотел её изложить в письменной форме, но тут она вырвалась. Я сказал Лозовскому: Вы получаете директивы из ЦК, я уполномочиваю Вас, если Вы сочтёте нужным, передать то, что я Вам сказал. Я сказал Лозовскому, что говорю и от имени хорошего писателя лет пятидесяти, которому невмоготу ходить по учреждениям, но который хочет знать своё место в государстве по сравнению, допустим, с Любовью Орловой и Утёсовым. Ему не нужны 50 000, которые те получают в месяц, он хочет получать тысячи 3 или 2, но он хочет жить и работать. Лозовский был очень удивлён всем, что я ему сказал»²⁶.

Свои общественно-политические убеждения Бабель часто отстаивал в беседах с близкими людьми. При этом его отношение к власти, партии, характеру политической жизни в Советском Союзе, целям развития общества далеко не всегда совпадало с официальной «линией». Бабель сетовал: «Никогда ещё в истории человечества не было, наверно, такого расхождения между словом и делом, как у нас сейчас. В магазинах ничего нет, а газеты пеняются восторгом. Верховный Совет заседает и назначает, а Николай Иванович»²⁷, не взирая ни на что, действует и арестовывает»²⁸.

Бабель всегда был в курсе важнейших международных событий. «Мне сейчас не хочется ехать за границу, — говорил писатель, — приятно было ехать, когда было что сказать, когда можно было сказать — делайте так, как мы, у нас хорошо, а у вас плохо. А теперь, в лучшем случае, можно сказать — и у вас плохо, и у нас плохо»²⁹. Его тревожили новости из-за рубежа и положение СССР на ми-

²⁴ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 325, л. 179.

²⁵ Там же, д. 258, л. 99.

²⁶ Там же, л. 109–110.

²⁷ Речь идёт о наркоме внутренних дел СССР Н.И. Ежове.

²⁸ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 328, л. 108.

²⁹ Там же, д. 325, л. 122.

ровой арене. Политические шаги Англии, Италии, Германии заставляли Исаака Эммануиловича переживать за судьбы не только своих соотечественников, но и французов, брошенных на произвол судьбы чехов, и, конечно же, испанцев. Бабель часто повторял слова Эренбурга: «Мы погубили Испанию». Дарованная Советским Союзом испанскому народу надежда на выход из гражданской войны казалась Бабелю кощунством, а бездействие советских дипломатов – необъяснимым³⁰. «Сначала мы действительно подсылали людей и оружие, а потом не решились продолжать, – с негодованием утверждал Бабель в разговоре с литераторами, – ведь у нас внешняя политика вообще робкая и неустойчивая. А Германия и Италия обрадовались тому, что мы вмешались в испанские дела, сочли это за повод для интервенции, а мы больше не помогали. Так мы нанесли Испании только вред... Передача командования Миахе³¹ означает, что власть в Мадридском районе, то есть в главной оставшейся у республиканцев части территории, переходит к коммунистам. Эренбург говорит, что Миаха – пешка в руках коммунистов и совсем не крупный полководец. Мадрид в своё время отстояли русские, и при них какую-то роль играл Миаха. Ещё недавно войной руководили Прието³² и Венсенте Рохо³³, но они скандально провалились, не сумели отразить наступление в долине Эбро, хотя именно там оно ожидалось... Впрочем, коммунистический режим, быть может, и целесообразен, раз нужно что-то противопоставить методам Франко. Но, вероятно, уже поздно»³⁴.

Обсуждая с коллегами советско-германские отношения и вероятность грядущей войны, предчувствие которой не покидало писателя, Бабель говорил: «Пока мы могли играть на внутренних противоречиях среди демократических стран, всё шло ничего. Но когда мы столкнулись с таким же режимом, как у нас, мы ничего не смогли сделать. Ведь Гитлер сделал свою революцию в стране, не истощённой разрухой и гражданской войной, в стране, где буржуазия не была так развращена, а рабочий класс не был так голоден, как у нас. Гитлер боится за свой тыл значительно меньше, чем мы. Сейчас ясно, что капиталистический мир во главе с Англией хочет войны с СССР до того, как СССР укрепитя. Но мы воевать не будем. Мы не можем воевать. Мы отдадим всё, что у нас захотят взять, но воевать не будем. Мы Чехословакию защищать не будем и не можем. У нас разрушено руководство армии. Всюду пришли новые люди, но посмотрим, как они будут драться, это ещё не известно. Англия ещё очень сильна. Во главе её стоит сильная, неразвращённая, работающая буржуазия, честные чиновники, гибкие, ловкие политики, до которых нам далеко. И главное, там

³⁰ Бабель говорил о гражданской войне в Испании (июль 1936 г. – апрель 1939 г.), конфликте между левосоциалистическим республиканским правительством страны, поддерживаемым коммунистами, и поднявшими вооружённый мятеж правомонархическими силами, на сторону которых встала большая часть испанской армии во главе с генералом Ф. Франко. Республиканцев поддерживал Советский Союз, а мятежников – Германия и Италия.

³¹ Хосе Миаха Менант (1878–1958), испанский военачальник, генералиссимус республики (1939). В ночь на 6 марта 1939 г. стал официальным представителем хунты, совершившей переворот в Мадриде. После отказа Франко вести с хунтой переговоры о мире покинул страну.

³² Индалесио Прието Туэро (1883–1962), один из лидеров Испанской социалистической рабочей партии, журналист. В начале гражданской войны в 1936 г. возглавлял морское министерство и министерство авиации. Был противником активного взаимодействия с коммунистами. В апреле 1938 г. ушёл в отставку, покинув затем страну.

³³ Висенте Рохо Льюк (1894–1966), испанский военачальник, с октября 1936 г. начальник Генерального штаба сил обороны. Руководил основной наступательной силой республиканцев, которые в итоге потерпели поражение. В феврале 1939 г. покинул страну.

³⁴ ЦА ФСБ России, ф. 3, оп. 5, д. 326, л. 46–47.

сытые люди, там сытые рабочие. Трогательная несчастная Франция, которая так не хочет ввести у себя тоталитарный режим и которая всё-таки пойдет за Англией и сменит, вероятно, правительство. Для Европы мы представляем сейчас отвратительное, нестерпимое зрелище. И я вполне понимаю европейцев. Ведь стиль нашей жизни и политики – это уже преступление»³⁵.

Периодическое упоминание Бабелем в разговорах с коллегами арестов, расстрелов, «страшных вещей», подмены самого понятия «революция» не было случайным. В конце 1930-х гг. один за другим были арестованы за политическую неблагонадёжность близкие Бабелю люди: участники «право-троцкистской организации» Е.А. Дрейцер, Я.О. Охотников, Т.К. Леонтьева, Б.А. Пильняк, А.И. Стецкий и многие другие. Дело Бабеля лишь ждало своего часа. Вряд ли Исаак Эммануилович предполагал, что его обвинят во «французском и австрийском шпионаже», «контрреволюции», «троцкизме», но своего ареста он не исключал. «А о Пильняке рассказывают страшные вещи, – недоумевал писатель. – Говорят, его обвиняют в шпионаже. Удивляюсь – как мне не икается. Наверное, моё имя в Наркомвнуделе поминается не раз»³⁶.

16 мая 1939 г. Бабель был арестован, а все его рукописи и переписка изъяты. 19 июня 1939 г. ему предъявили обвинение по статьям 58-1 «а» (измена Родине), 58-7 (экономическая контрреволюция, вредительство), 58-8 (организация террористических актов) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР. Дело Бабеля подробно рассматривалось руководителем Комиссии по наследию репрессированных писателей России В.А. Шенталинским³⁷. Каждый документ был изучен, и автор дал ответы, пожалуй, на все возможные вопросы исследователей. К делу приобщены 4 протокола допросов: от 29–31 мая, 15 июня, 25 июня и 10 октября 1939 г. Когда Бабеля арестовали, он долго не мог понять истинной причины ареста, полагая, что его пресловутое молчание, активно обсуждаемое в литературных кругах, расценивается карательными органами как саботаж, нежелание писать в советских условиях. Но на первом же допросе следователь едко заметил: «Вы хотите, тем самым, сказать, что арестованы как писатель, не выпустивший за последние годы сколь-нибудь значительного произведения? Не кажется ли Вам чрезмерно наивным подобное объяснение факта своего ареста?» «Вы правы, – отвечал арестованный Бабель, – конечно, за бездеятельность и бесплодность писателя не арестовывают»³⁸. Исаак Эммануилович признал, что вёл антисоветские разговоры, «жаловался на бесперспективность и серость советской литературы»³⁹ и в итоге заявил: «Не желая ничего больше скрывать от следствия, я хочу правдиво показать о своих шпионских связях»⁴⁰.

11 сентября 1939 г. Бабель написал обращение на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии, в котором просил разрешения привести в порядок отобранные рукописи и «набросать хотя бы план книги в беллетристической форме о пути моём, во многих отношениях типичном, о пути, приведшем к падению, к преступлениям против социалистической страны»⁴¹. Письмо

³⁵ Там же, д. 278, л. 183–184.

³⁶ Там же, л. 182.

³⁷ Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995.

³⁸ ЦА ФСБ России, д. Р-1252, л. 32–33.

³⁹ Там же, л. 48.

⁴⁰ Там же, л. 54.

⁴¹ Там же, л. 150.

осталось без ответа и было приобщено к делу наряду с другими следственными материалами. Лишь на последнем допросе писатель отказался от некоторых своих показаний и сказал: «Я оклеветал некоторых лиц и дал ложные показания в части моей террористической деятельности»⁴². Однако следствие исключило из обвинения лишь ст. 58-7.

Дело Бабеля было рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании. Как следует из протокола заседания от 26 января 1940 г., писатель ходатайствовал о вторичном ознакомлении с делом, а также о допуске защиты и вызове свидетелей. Однако суд отклонил это ходатайство как необоснованное. Кроме того в ходе закрытого судебного заседания Бабель заявил, что «не признаёт себя виновным, т.к. шпионом он не был. Никогда ни одного действия он не допускал против Советского Союза и в своих показаниях он возвёл на себя поклёп»⁴³. Тем не менее по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 января 1940 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 «а», 58-8 и 58-11 УК РСФСР, Бабель был приговорён к высшей мере наказания с конфискацией имущества. На следующий день приговор был приведён в исполнение.

В процессе пересмотра дела Бабеля после смерти Сталина были вызваны на допрос его жена А.Н. Пирожкова, а также Е.П. Пешкова и В.П. Катаев. И. Эренбург прислал на имя Главного военного прокурора письмо, в котором охарактеризовал Исаака Эммануиловича как выдающегося советского прозаика, чьи произведения стали наиболее яркими образцами коммунистической литературы⁴⁴. 13 ноября 1954 г. было утверждено заключение Главной военной прокуратуры, в котором предлагалось «приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 января 1940 года в отношении Бабеля Исаака Эммануиловича отменить и дело о нём дальнейшим производством прекратить ввиду отсутствия в действиях Бабеля состава уголовного преступления»⁴⁵. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 декабря 1954 г. приговор от 26 января 1940 г. был отменён, уголовное дело прекращено, а Бабель полностью реабилитирован.

Однако в середине 1950-х гг. для окончательного выяснения судьбы и трагической гибели писателя время ещё не настало. 27 декабря 1954 г. в КГБ, Главную военную прокуратуру и МВД СССР было направлено определение Военной коллегии Верховного суда с просьбой вернуть А.Н. Пирожковой конфискованное имущество Бабеля и объявить о реабилитации писателя. На документе есть отметка о том, что 17 февраля 1955 г. последовало указание о возмещении стоимости конфискованных вещей. Рукописи Бабеля не были возвращены его родным. В материалах уголовного дела Исаака Эммануиловича имеется отметка об изъятии в день ареста в его квартире 15 папок разных рукописей, 11 записных книжек, 7 блокнотов с записями, 400 писем, 30 телеграмм; на даче в Переделкино – ещё 9 папок с рукописями, 3 записных книжки, 10 писем, 2 телеграммы и 8 записок. Изъятые в квартире поместили в пять свёртков, а на даче – в две пачки и опечатали сургучными печатями. Данных об уничтожении бумаг в документах нет. Сотрудники архива просмотрели коллекции всей оставшейся личной переписки репрессированных граждан, тетрадей,

⁴² Там же, л. 139.

⁴³ Там же, л. 165.

⁴⁴ Там же, л. 179–185 об.

⁴⁵ Там же, л. 192.

иных записей, тщательно изучили документы 3-го спецотдела НКВД СССР, проводившего аресты и обыски, акты об уничтожении архивных материалов, начиная с 1939 г. и до настоящего времени, просмотрели переписку советского периода с государственными архивами. К сожалению, найти хоть какое-либо упоминание об изъятых рукописях всё ещё не удалось. Эти пока не обнаруженные рукописи писателя представляют интерес не только для родственников Исаака Эммануиловича, литературоведов, историков, но и для широкого круга читателей – почитателей таланта Бабеля, поэтому исследовательская работа продолжается.